

Четверг, 28 июля 1988 г. № 90 (6502)

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

ЦЕНА 6 КОП.

Газета Центрального Комитета КПСС

АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА

ЭХО СЛОВ
В ТИШИ НОВОСТРОЕК

«Вопреки прогнозам оптимистов, поглавивших, что сырьем сельского избыточного строительства в стране — явление чисто временного, факты говорят об обратном». Именно так в прошлом августе наша газета характеризовала ситуацию с выполнением полугодового задания. Сегодня, увы, мы можем повторить это доблестно. Прошлое полугодие как две капли воды похоже на теперешнее. Больше того, по некоторым показателям результаты оказались даже хуже. Всего один пример. Освоение средств на строительство районных домов культуры составляло тогда 26 процентов, а сегодня упало до 24 процентов. По вводу мест (если считать реальные кресла в зрительных залах) выполнение плана выпало с 9 процентов — сегодня снизилось до цифры 8.

Вроде бы на первый взгляд один-два процента — потеря невелика. Но стоит только их расшифровать, перевести на конкретный язык фактов, картина откроется тяжелейшая. 115 районных домов культуры должны к концу этого года войти в строй. А в первом квартале лишь 2 (!) из них распахнули свои двери перед посетителями. Темпы, взятые на старте, неизбежно сказались и на промежуточном финише — итогах полугодия. И вот что характерно — старые долги накопились: Украина, Киргизия, Грузия, Азербайджан — остались верны себе. И сегодня показатели ввода РДК по этим регионам на пульсе отметке.

Правда скажем, Госагропром ССР, осуществляющий обширную программу возведения объектов культуры на селе, взял на себя величайшие обязательства. Шутка ли — построить за пятилетку больше пятисот РДК и почти шесть тысяч клубов! И если понадобится не все получалось, это можно было понять. Требовалось время, чтобы пересмотреть силы, подтянуть собственную базу строительной индустрии, разобраться с фондами, проектами, кадрами, ресурсами. Но не слишком ли затянулся «подготовительный» период, оказавшийся длительной почтой в половину пятилетки?

Что же в результате? Сорванные планы 1986 и 1987 годов. И никакого перелома в делах сегодняшних.

Перестройка вовсе не абстрактное понятие. Да, это и некий символ, олицетворяющий дух нашего времени, но более всего перестройка сохранилась в сознании людей с конкретными, реальными результатами. Растет число детских садов и яслей — вот она, перестройка! Больше спрашиваются новоселы — работает перестройка! И если сегодня еще мало очевидны перемены в социально-культурных условиях, образе жизни сельского труженика, он вполне спрости: что же здесь является торжеством?

Прежде всего это позиция самого Госагропрома ССР и его органов на местах. Получив немалые (миллиардные!) средства на строительство культуры, отнеслись к ним здесь тем не менее как к объектам второстепенной важности. Сработал привычный стереотип, сформировавшийся в годы, когда остаточный принцип намеренно сковал развитие всей социальной сферы. Культура в раскладчиках агропрома не только не стала приоритетной, но оказалось, что и капитализации, выделенные на ее развитие, зачастую используются не по назначению, а утверждеными планами самовольно корректируются, занижаются.

Ровно год назад, седьмого августа, со всей остротой об этом говорилось на заседании междуведомственного штаба, осуществляющего контроль за ходом работ на сельских стройплощадках. Заместитель начальника подотдела капитального строительства в реконструкции Госагропрома ССР Н. Курганов, выступавший тогда на этом заседании, привез критику справедливой и заверил, что Госагропром ССР примет все меры, чтобы в корне изменить положение. Какова же цена этих обещаний, если ситуация с районными домами культуры стала хуже, чем в прошлом полугодии, если ввод клубных мест в колхозах составляет на сегодняшний день всего 19 процентов, а в соколах — 17 процентов по отношению к плану?

Столь же не подкрепленными делом оказалось и слово заместителя председателя Госагропрома РСФСР, министра РСФСР В. Видманова. На совместной коллегии Министерства культуры и агропрома республикан прозвисло буквально следующее: — В прошлом и позапрошлом году пе-

М. СМИРОВА,
заместитель редактора газеты по отделу
социально-культурных проблем.

НА СЕЛО
С
КОНЦЕРТОМ

Давная дружба связывает коллективы колхоза имени Н. С. Тургенева, что расположено в Чернском районе Тульской области, и издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Вот и в эти напряженные дни тружеников сельского хозяйства дни, когда на полях идет сбор урожая, в гости к селянам приехали самодеятельные артисты историко-этнографического театра молодежного издательства, которые показали своим друзьямнюю большую программу.

• Спектакль под открытым небом.

Фото М. Харлампиева.

ИЗ ПОЧТЫ ЭТИХ ДНЕЙ

Кому это выгодно?

Далеко за полночь просыпались на центральных органах власти.

Хотя в самом решении ничего не сказано о том, кому выгодна ситуация, при которой чувство национального достоинства трансформировалось у многих в национализм, чувство неприязни к другому народу, вопрос этот возникнет. Уверена, люди, которым выгодно нагнетание обстановки вокруг Нагорного Карабаха, существуют.

Надо непременно найти и уличить этих людей. Надо показать их своему народу.

НОВОСТИ

Через века

Торжественным благовестом колоколов возвестил сегодня на начале праздника, посвященного тысячелетию крещения Руси, Федоровский кафедральный собор в Ярославле. В канун празднования величественный иконостас летнего храма вновь украсили старинные произведения ярославских живописцев.

Участники торжества возложили венок к монументу в честь боевой и трудовой славы ярославцев в годы Великой Отечественной войны.

(ТАСС).

На родном языке

«Вера сунус кеттөрө», что по-чуващему значит «добро показывать», — эти слова встретили вчера корреспонденты ТАСС в новом здании МХАТа на Тверском бульваре. Чувашская речь звучала здесь и за кулисами, и на сцене, которую на утренней репетиции «обоживали» артисты из Чебоксар. Вечером — начало торжественного отчета в столице Чувашского государственного академического драматического театра имени К. В. Иванова.

Песни над Иссык-Кулем

Древними мелодиями горцев Тянь-Шана в современной аранжировке встретило сегодня гостей из разных городов страны высокогорное озеро Иссык-Куль. Здесь начался Всесоюзный фестиваль эстрадной песни.

Любое иное решение явилось бы не только грубым нарушением требований сразу двух статей Конституции ССР — 76 и 78, что само по себе недопустимо, и означало бы создание президента неконституционного административно-волевого нарушения суверенитета союзных республик.

В. БОЛЯК,
юрист.
ГОРЬКИЙ,

ЕСТЬ
МНЕНИЕ!

О присвоении званий

Л. РИЖИНА, автором статьи

и переводчиком, Москва:

— Считаю, что звание Героя Советского Союза может присваиваться неоднократно, тем кто оно присваивается за конкретный геройский подвиг. Звание же Героя Социалистического Труда, по моему мнению, должно присваиваться только один раз за многолетний геройский труд в любой отрасли народного хозяйства и культуры. Понятие «героя» — по-моему, не имеет смысла.

О статье «Закон становится зуманнее» («СК», 12 июля)

Б. Саранин, доктор исторических наук, Москва:

— На вопрос: будут ли допущены адвокаты к первоначальному этапу следствия? Н.Ф. Кузнецова отвечает: «Господствующее мнение: адвокаты должны участвовать в делах о преступлениях несовершеннолетних и людей с уменьшенной ответственностью. А в других случаях — с момента предъявления обвинения». Закономерный вопрос: господствующее мнение кого? Юристов? Но ведь это касается любого из нас и меньше всего самих юристов! Только участие адвоката с самого начала следствия может оградить от привоза.

С этой ответственностью заявляю: композитор И. О. Дунаевский скончался от склоняющего спазма сердца. Это подтверждается соответствующими документами и людьми, которые были в этот момент рядом с ним.

О гибкости цен

Н. Жарких, Москва:

— М. С. Горбачев на конференции сказал: «Когда сильные народы прорабатывают вопросы о различных ценах». Идет проработка «Огонька» (№ 30) в статье «Парadox Дунаевского» утверждается, будто мой отец покончил с собой. Слухи такого рода ходят уже давно, но в печать проникли спустя время.

О лимитах на белки

Ф. Зиненко, журналист, Одесса:

— Частенько портят нас «скорые помощи», милиция, пожарные — вот, мол, и часы не прошло, как заявляется! Но вот недавно столкнулся с по-различным гибким ценобюджетом. Каждая неожиданная распорядительность! Значит, цены могут меняться в течение дня или сорока процентов, а учтывая постоянный овощной дефицит, «гибкость» слова прогресса в сторону повышения...

О возможности заработать деньги

А. Мозомаев, преподаватель Кемеровского института культуры:

— Кооператорам для возможности и права трудиться по 14—15 часов в сутки, что

По рубрике дендирии
А. ГАСПАРЯН
и М. СИМОНОВА.
Тел. 285-77-42.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

3 страницы

«ЧИТАТЕЛЬ ДЕЛАЕТ ВЫБО-

ДЫ...» — так называется под-

борка отрывков на письме в

редакцию бывшего первого

секретаря Ярославского обкома

КПСС Ф. Лощинова.

4-5 страницы

Как заслужить доверие зри-

телей? О телевидении в эпоху

глобализации рассуждает главный

редактор молодежной редак-

ции ЦТ.

2 страница

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ю. А. СИМОНОВ

ЗАВЕДУЮЩИЙ РЕДАКЦИЕЙ

С. А. СИДОРЕНКО

ЗАВЕДУЮЩИЙ РЕДАКЦ

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: СИБИРЬ И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Боль моя, Эвенкия!

Наступила пора осмысления всего того, что было сказано и решено на XIX партконференции, что стоит в дальнейшем нормой нашей жизни. Но уже сейчас скажу, что жить мне стало легче. Уже хотя бы потому, что конференция внесла определенность, ясность в то, что давно меня смущало тревожило. А именно: экономическая реформа у нас забуксовала потому, что не изложена конкретно-административная система.

Буквально накануне конференции в опубликованной статье «Боль моя, Эвенкия» в краевой газете, И я думал с горечью узнать, что борьба Эвенкийского округа КПСС приносит постановление, где говорится, что моя «положение по вопросам построения социализма в округе, национальной политики однозначно. Чужд нашим принципам является позиция А. Немтушкина, выраженная в словах: «Мы, северяне, долгие годы были заворожены громкими и красивыми словами, что народности Севера в своем историческом развитии совершили гигантский скачок из первобытного строя в социализм...».

И далее — в том же постановлении: «Переход народностей Севера к социализму, который органически вытекает из ленинской теории построения социализма и на практике осуществленной Коммунистической партией, для А. Немтушкина все лица красные и громкие слова».

Вот такие пригороны. Говорим о деформированном социализме, о возвратах к ленинским нормам демократии, а, оказывается, все в порядке. Чего, мол, быть в набег и беспомощности?

Накануне конференции я побывал в маленьком поселке Учами, по старине именовавшем факторией, где в сотый раз убедился, какой проклятие мы сделали из первобытно-общинного строя. Лет около двадцати назад здесь был колхоз «Верный путь», руководимый полуутриманным председателем. Колхоз был не по последнему счету. Его охотники считались одиличами из гуцульщины не только в Илангильском районе, но и во всем округе, наводил неслыханную сталь оленей, держали ферму серебристо-черных лисиц, коров, кудо-бодро обуты-одеты были и виды хватало. А для коневинов, исполненных ваков борющихся за выживание, это было главным.

В период реорганизации Учами сдавали отделением Тунгусского совхоза, и с этого времени, считают учами, начались киды. Центральное отделение под благовидным предлогом стало обдирать Учами, все одевали потнуто на себя: забрали последние настороженные оленей, лишили дровяного зверофермы, практически прекратило всякие строительство, в теперь и вообще хочет инвестировать Учами. Из ста пяти человек трудоспособного населения почти больше сорока не имеют работы. Перебиваются случайными заря-

ботами. В среднем прожиточный минимум на человека в месяц — 30—40 рублей. И это на Севере, где стоимость одного килограмма картофеля — 20 рублей. Основным питанием у нас всегда считались рыба и мясо. Теперь ничего этого нет. Рыбка после промысла отбирают, рыбку запрещают ввозить в рыбнадзор. Словом, злоб да наше — лица наше. И откуда мы быть радостному настроению у людей? У нас немало одиноких женщин с двумя-тремя ребятами, в ведь их кормить надо...

Интересно, понимают ли, сознают ли все это товарищи из окружкома партии, администрации, послышавшие строгим окриком-постановлением заклеймить мои «чуждые взгляды». Скажу откровенно: не хватает культуры у наших начальников, которые могут спокойно с людьми разговаривать, убеждать — вот и призываются чутки бумажкой резолюцией. Но разве физиономия лицемеров прикрывает все проблемы?

Сколько раз мне доводилось слышать: «Ты что, недоволен Советской властью? Тебя, темноту, она пеленом корят...». И членов, пристрастившихся, погруженных головой... Шутка ли: Советской властью покрывают! Может, и впрямь чего-то он не понимает, начальству все-таки видней. Только так им уж зорок, прозорлив администратор! Неужели видят он лучше простого зевака-охотника?

Заглавием я не стал ум драматического прошлого. Колонизация у нас на Севере началась с выселения среди сплошь неграмотных людей «зарос нородов» — кулаек и шаманов, с жестокой подчас борьбы с национальным бытом, обычаями, укладом жизни, как с чем-то отсталым, значительным. Надо сказать, что это не составляло особого труда, и вместе с первооткрывателями исчезли скорее добрые обычай. Куда девались честность, совместность, открытость характера у северян, с ними и гостеприимством? Поэтому всегда хотели кричать, бунтовать против администрации, вспоминать о земляках из прошлого, с национальным бытом, из которых мы вышли. Нет, в на лишились северян большую мечты: учиться, пожалуйста, дорога в город каждому открыта. Но в целом учения все-таки не должно отрывать детей от социальных и национальных корней. У каждого народа свои национальные черты национального характера, свой язык, свой уклад жизни. И учеба должна все это дополнять, а не противоречить.

Говорю это к тому, что северяне интересны в сегодняшнем виде изменили себя. Они сыграли свою положительную роль в 30-е, 40-е годы и в 50-е годы, в них выявляют требований. Слишком большая опекой окружили мы ребят, они выходят из школы абсолютно не приспособленными к жизни. Словом, растки, блодоручки, тепличные, изнеженные люди. Промысловики и лыготы разлагают не только отдельных людей — они разлагают и целые народы. В самом деле, когда тебе все где-то достают, находят, приносят готовые и самому не надо прилагать усилий — разве это не обесценивание человека, не уважение в нем всех и всяческих началь? Думают, что именно поэтому на Севере исчезают хозяева земли, свой судьбы, в детях становятся равнодушными к вековым традициям. Зачем же и здесь разропорять, как в застоечные годы.

Отрапортовать не удалось, но и никто не спросил, куда девались миллионы, потому что есть прикрытие — эксперименты... Мол, что подавляем, бывают неудачи... Три сороки чуть не остались без оленей... А всю зиму списали на... олене-

вода. Не выполнили, дескать, указания, не сделали того, другого, третьего...

И горюче приветствуя создание на Севере, в частности в оленеводстве, смысла и коллективного подряда. Это можно считать возвращением к старым, традиционным методам ведения хозяйства. Прекиущество, как говорится, на виду. В том же Учами пенсионеров-единомышленников, как правило, не бывает потерпеть животных, все оленей ежегодно приносят телят, а небольшое стадо никогда не нужно никому.

При этом культуры у наших начальников, которые могут спокойно заставить работать, отдавать и другие,казалось бы, неразрешимые проблемы: пьяница, переход коханников на оседлый образ жизни.

Особого разговора требует интэрнатское воспитание детей. Я уже неоднократно говорил об этом и все же повторюсь: это мудреная профориентация должна у нас сводиться к одному: «Учи — будешь хорошим оленеводом, охотником».

Хватит нам на Севере готовить учителей, врачей, артистов, космонавтов... Нет, в на лишился юноши северян большую мечты: учиться, пожалуйста, дорога в город каждому открыта. Но в целом учения все-таки не должно отрывать детей от социальных и национальных корней. У каждого народа свои национальные черты национального характера, свой язык, свой уклад жизни. И учеба должна все это дополнять, а не противоречить.

Говорю это к тому, что северяне интересны в сегодняшнем виде изменили себя. Они сыграли свою положительную роль в 30-е, 40-е годы и в 50-е годы, в них выявляют требований.

Слишком большая опекой окружили мы ребят, они выходят из школы абсолютно не приспособленными к жизни. Словом, растки, блодоручки, тепличные, изнеженные люди. Промысловики и лыготы разлагают не только отдельных людей — они разлагают и целые народы. В самом деле, когда тебе все где-то достают, находят, приносят готовые и самому не надо прилагать усилий — разве это не обесценивание человека, не уважение в нем всех и всяческих началь?

Читатели газеты, конечно же, помнят, как, борясь за переброску стока северных рек в Волгу, заинтересованные специалисты предсказывали снижение уровня Каспийского моря и одновременное повышение солености Азовского. И что?

Словно в наше время моря повели себя прямо противоположно предсказанным эти ученым.

Большинство из них мы за счет природы и потому не знали, что такое браконьерство. У нас, эвенкии, есть даже такое выражение: разять ванькина венчай — значит не видеть оленей. Проблема браконьерства встала во весь рост где-то в шестидесятые годы, когда бодрим, полны широких обещаний и романтических прикрас пришли руководители соревнования с насиженных мест молодых людей и они отправились «плокорять Сибирь». В те

годы тайгу и тундру народами случайные приводы, готовые ухватить побольше, а после них хватать траву не растут. Тревожно стало жить. Рушатся налево и направо вязовые леса, гремят взрывы аммония на реках, плывут по ним маслянистые круги нефтепродуктов. По своей северной наивности и простоте в каком-то смысле выяснилось, что было бы гуманным актом со стороны промысловиков, если бы они хотя бы промысловому охоту оставили для северных народов, поскольку наши руки ничего, кроме руки и мыши (аркана), не умеют, а мы не адаптировались мы в современной жизни. И что же? Моя же родина, ступившая на скользкую тропу администрации, обрела краину в национализме. Но разве непонятно, что не умеют многие из нас пока управлять машинами и буроносными вицами и по-доброму образом зарабатывать себе не хлеб?

Какие же, понимают ли, сознают ли все это товарищи из окружкома партии, администрации, послышавшие строгим окриком-постановлением заклеймить мои «чуждые взгляды»? С некоторыми из них мы можем связаться от газеты, поскольку в случае осуществления подобных «гигантских» проектов в качестве цепочек передко оказываются люди. Целые народы могут оказаться на грани исчезновения, когда под видом блага хотят отобрать лучшие промысловые уголья, оленевые пастбища, другими словами, лишить нас жизненных основ. О такой судьбе никогда единок тунгусов мечтали лучше умы России. Любое исчезновение — это уже беда. А тут из культуры человечества, его генофонда могут несется исчезнувшая неповторимость национальных черт языческого облика, языческого уклада жизни.

Мы могут возразить: вы, мол, борцы за экологическую чистоту, противники технократии и экологии, а сами не представляете себя без современных благ, не хотите, как раньше, сидеть при природе. Да, не хотим. Но и блага получать любыми средствами, путями — тоже. Мы и так уже живем за счет наших детей и внуков. Ученые это лучше нас знают, но из деятельности скована необходимостью отставать от проектов решения, которые были спущены сверху в застоечные годы. К сожалению, и наука пока еще, пожалуй, не все сказала. Свой вклад в приостановку строительства линии ЛЭП и дороги к месту будущей плотины мы уже дали.

Большинство из них мы за счет природы и потому не знали, что такое браконьерство. У нас, эвенкии, есть даже такое выражение: разять ванькина венчай — значит не видеть оленей. Проблема браконьерства встала во весь рост где-то в шестидесятые годы, когда бодрим, полны широких обещаний и романтических прикрас пришли руководители соревнования с насиженных мест молодых людей и они отправились «плокорять Сибирь». В те

годы тайгу и тундру народами случайные приводы, готовые ухватить побольше, а после них хватать траву не растут. Тревожно стало жить. Рушатся налево и направо вязовые леса, гремят взрывы аммония на реках, плывут по ним маслянистые круги нефтепродуктов. По своей северной наивности и простоте в каком-то смысле выяснилось, что было бы гуманным актом со стороны промысловиков, если бы они хотя бы промысловому охоту оставили для северных народов, поскольку наши руки ничего, кроме руки и мыши (аркана), не умеют, а мы не адаптировались мы в современной жизни. И что же? Моя же родина, ступившая на скользкую тропу администрации, обрела краину в национализме. Но разве непонятно, что не умеют многие из нас пока управлять машинами и буроносными вицами и по-доброму образом зарабатывать себе не хлеб?

Какие же, понимают ли, сознают ли все это товарищи из окружкома партии, администрации, послышавшие строгим окриком-постановлением заклеймить мои «чуждые взгляды»? С некоторыми из них мы можем связаться от газеты, поскольку в случае осуществления подобных «гигантских» проектов в качестве цепочек передко оказываются люди. Целые народы могут оказаться на грани исчезновения, когда под видом блага хотят отобрать лучшие промысловые уголья, оленевые пастбища, другими словами, лишить нас жизненных основ. О такой судьбе никогда никогда не думают технократы. И действительно, почему наше существование зависит от тех, кто лишил этих чувств Тоскано и страшно становится на душе, когда подумаешь, что ожидает нас в ближайшем будущем, если доверимся мы полностью таким «технократам».

Когда речь заходит об издергах, иные специалисты говорят, что лес рубят — щапки летят. С некоторыми из них мы можем связаться от газеты, поскольку в случае осуществления подобных «гигантских» проектов в качестве цепочек передко оказываются люди. Целые народы могут оказаться на грани исчезновения, когда под видом блага хотят отобрать лучшие промысловые уголья, оленевые пастбища, другими словами, лишить нас жизненных основ. О такой судьбе никогда никогда не думают технократы. И действительно, почему наше существование зависит от тех, кто лишил этих чувств Тоскано и страшно становится на душе, когда подумаешь, что ожидает нас в ближайшем будущем, если доверимся мы полностью таким «технократам».

Мы могут возразить: вы, мол, борцы за экологическую чистоту, противники технократии и экологии, а сами не представляете себя без современных благ, не хотите, как раньше, сидеть при природе. Да, не хотим. Но и блага получать любыми средствами, путями — тоже. Мы и так уже живем за счет наших детей и внуков. Ученые это лучше нас знают, но из деятельности скована необходимостью отставать от проектов решения, которые были спущены сверху в застоечные годы. К сожалению, и наука пока еще, пожалуй, не все сказала. Свой вклад в приостановку строительства линии ЛЭП и дороги к месту будущей плотины мы уже дали.

Большинство из них мы за счет природы и потому не знали, что такое браконьерство. У нас, эвенкии, есть даже такое выражение: разять ванькина венчай — значит не видеть оленей. Проблема браконьерства встала во весь рост где-то в шестидесятые годы, когда бодрим, полны широких обещаний и романтических прикрас пришли руководители соревнования с насиженных мест молодых людей и они отправились «плокорять Сибирь». В те

годы тайгу и тундру народами случайные приводы, готовые ухватить побольше, а после них хватать траву не растут. Тревожно стало жить. Рушатся налево и направо вязовые леса, гремят взрывы аммония на реках, плывут по ним маслянистые круги нефтепродуктов. По своей северной наивности и простоте в каком-то смысле выяснилось, что было бы гуманным актом со стороны промысловиков, если бы они хотя бы промысловому охоту оставили для северных народов, поскольку наши руки ничего, кроме руки и мыши (аркана), не умеют, а мы не адаптировались мы в современной жизни. И что же? Моя же родина, ступившая на скользкую тропу администрации, обрела краину в национализме. Но разве непонятно, что не умеют многие из нас пока управлять машинами и буроносными вицами и по-доброму образом зарабатывать себе не хлеб?

Какие же, понимают ли, сознают ли все это товарищи из окружкома партии, администрации, послышавшие строгим окриком-постановлением заклеймить мои «чуждые взгляды»? С некоторыми из них мы можем связаться от газеты, поскольку в случае осуществления подобных «гигантских» проектов в качестве цепочек передко оказываются люди. Целые народы могут оказаться на грани исчезновения, когда под видом блага хотят отобрать лучшие промысловые уголья, оленевые пастбища, другими словами, лишить нас жизненных основ. О такой судьбе никогда никогда не думают технократы. И действительно, почему наше существование зависит от тех, кто лишил этих чувств Тоскано и страшно становится на душе, когда подумаешь, что ожидает нас в ближайшем будущем, если доверимся мы полностью таким «технократам».

Мы можем возразить: вы, мол, борцы за экологическую чистоту, противники технократии и экологии, а сами не представляете себя без современных благ, не хотите, как раньше, сидеть при природе. Да, не хотим. Но и блага получать любыми средствами, путями — тоже. Мы и так уже живем за счет наших детей и внуков. Ученые это лучше нас знают, но из деятельности скована необходимостью отставать от проектов решения, которые были спущены сверху в застоечные годы. К сожалению, и наука пока еще, пожалуй, не все сказала. Свой вклад в приостановку строительства линии ЛЭП и дороги к месту будущей плотины мы уже дали.

Большинство из них мы за счет природы и потому не знали, что такое браконьерство. У нас, эвенкии, есть даже такое выражение: разять ванькина венчай — значит не видеть оленей. Проблема браконьерства встала во весь рост где-то в шестидесятые годы, когда бодрим, полны широких обещаний и романтических прикрас пришли руководители соревнования с насиженных мест молодых людей и они отправились «плокорять Сибирь». В те

годы тайгу и тундру народами случайные приводы, готовые ухватить побольше, а после них хватать траву не растут. Тревожно стало жить. Рушатся налево и направо вязовые леса, гремят взрывы аммония на реках, плывут по ним маслянистые круги нефтепродуктов. По своей северной наивности и простоте в каком-то смысле выяснилось, что было бы гуманным актом со стороны промысловиков, если бы они хотя бы промысловому охоту оставили для северных народов, поскольку наши руки ничего, кроме руки и мыши (аркана), не умеют, а мы не адаптировались мы в современной жизни. И что же? Моя же родина, ступившая на скользкую тропу администрации, обрела краину в национализме. Но разве непонятно, что не умеют многие из нас пока управлять машинами и буроносными вицами и по-доброму образом зарабатывать себе не хлеб?

Какие же, понимают ли, сознают ли все это товарищи из окружкома партии, администрации, послышавшие строгим окриком-постановлением заклеймить мои «чуждые взгляды»? С некоторыми из них мы можем связаться от газеты, поскольку в случае осуществления подобных «гигантских» проектов в качестве цепочек передко оказываются люди. Целые народы могут оказаться на грани исчезновения, когда под видом блага хотят отобрать лучшие промысловые уголья, оленевые пастбища, другими словами, лишить нас жизненных основ. О такой судьбе никогда никогда не думают технократы. И действительно, почему наше существование зависит от тех, кто лишил этих чувств Тоскано и страшно становится на душе, когда подумаешь, что ожидает нас в ближайшем будущем,

НА ФОТОКОНКУРС • А. ПТИЦЫН. «Создание». (Скульптор Нальдар Хаков в мастерской).

КИНЕМАТОГРАФ: ВРЕМЯ ПЕРЕСТРОЙКИ

РЕЖИССЕР СТАНОВИТСЯ ДИРЕКТОРОМ

Мы беседуем с директором Рижской киностудии Рихардом Пинком. Сначала оператор, потом режиссер-постановщик, теперь он директор самой большой в Прибалтике студии, которая выпускает десять художественных, военно-приключенческих фильмов в год для экрана и телевидения, не считая документальных лент (они здесь традиционно высокого класса). Он был выбран из двух кандидатур коллективом и общественными организациями студии. И потому первый вопрос:

— Как вы относитесь к тому, что сейчас все больше к административному руководству в кинематографе приходят люди творческие? Здесь есть разные мнения — и то, что диктует таланта — все равно диктует. И мера субъективности довольно высока.

— Я здесь, похожу, не самый типичный вариант. Потом это было решение моих коллег, они хотели, чтобы в глазах студии стоял человек творчества, понимающий все проблемы. Мешает ли это моей работе? Сейчас разрабатывается новая модель кино, и каждый человек должен найти свое место в этой перестройке. Пока, надо признаться, свободных для собственного творчества вечеров за весь год набралось не больше трех. Остальное время уходит на прямые, ежедневные дела по перестройке работы на студии, обмен опытом, изучение коньюнктуры кинорынка, экономики — все это ново для меня.

— Что вы думаете о самой большой проблеме сегодняшнего дня — выводе творческих работников за штат студий?

— Кстати говоря, этот вопрос не новый, для нашей студии во всяком случае. Помню, еще в шестидесятых годах говорили о перестройке на студии и стола тот же вопрос — об отделении творческого процесса от производственных служб и о выводе творческих работников за штат. Эта тенденция витает в кинематографе давно (в конце концов был опыт студии Чухрая). Значит, вопрос не праздный. Оглядываясь на все время, прошедшее с теми съемками кинематографистов и ощущая всю ту боль, что накопилась в нас за долгие годы, совершенно ясно, что необходимо очищение. Необходимо решить проблемы вывода за штат. При обязательном определении социального статуса киноработника, материального вознаграждения — пока он мало платят. Трудно сказать, как это все будет выглядеть на практике, но надо произвести как бы смотр наших рядов. Очевидно, что это будет зависеть и от работы каждого отдельного человека и студии в целом, оценки картин чисто художественной, а потом — учитывающей уже и количество зрителей.

Но необходимы также и поисковые картины, сегодня не имеющие зрительского успеха, но нужные для кинематографа. Таких художников необходимо поддерживать.

— Хозрасчет в национальное кино. Есть мнение, что многие национальные студии не готовы к нему и не выдержат его.

— Вопрос очень сложный. Правда, наша студия уже давно и прочно работает на общесоюзную аудиторию, собирает большое количество зрителей. Иногда мы черезсеру увлекались ориентацией на общесоюзную аудиторию, за что нас упрекали. Но надо и здесь пытаться удержать баланс. Скажем, новая картина А. Фрейманиса, сделанная по классическому произведению, для нас принципиальное множество кассовых лент Рижской студии.

...В тот день в просмотровом зале студии мы просмотрели предыдущую картину Фрейманиса

«Литарный лягушка». Уже в самом названии заложена ирония по поводу попыток представить, так сказать, средневекового, «образцово-показательного» лягушку. Картина мягкая, неизысканная, лукавая, и авторы ее не боятся иронии по отношению к своим землякам.

Документальное кино Латвии — одно из самых сильных и, пожалуй, пока идет впереди игрового. Наверное, потому, когда вечером в кинотеатре «Комсомолец» показывали фильм Улдиса Брауна «Звездные минуты нашей жизни», народу в зале было много. И — совершенно невероятный факт: после показа все остались сидеть и долго задавали оператору К. Залдинису множество вопросов. Фильм этот снимался во всех социалистических странах, но при этом настолько лишен парадности и отчужденности. Показ этот проходил в рамках фестиваля «Кино Латвия-87», на котором артисты путем автографирования должны были избрать лучший фильм.

— Что вы думаете о проблеме отделения студии как творческого коллектива от кинофабрики?

— Это дает возможность более гибко и плотно использовать производственные мощности. В частности, у нас в Риге, на наших площадках, снимают другие студии. Одним словом, надо сделать работу цехов независимой от выявления творческой иниции. И, наконец, и творческим работникам надо дать свободу не зависеть от стука молотка и краски краски. Мне как раз с руки об этом говорят: я сам режиссер, а сейчас оказался как бы по другой стороне процесса, со стороны производственной, экономической. И отчетливо понимаю, что порой творческие работники забывают понятие производственной дисциплины, а она теперь, когда студии и фабрики входят в официальные, хозрасчетные отношения, станет гораздо жестче. Проходит те времена, когда можно было выйти на съемочную площадку с неким умозрительным представлением о будущем фильме, теперь это невозможно.

— Это смотрят как понимать хозрасчет и как понимать риск. Должна существовать стратегия творческого поиска.

— А стратегия здесь такова: что даже простые слова «делать массу» тоже можно понимать по-разному.

— Вам не кажется, что кома складывается такая ситуация: есть ответственность, но нет в достаточной степени права эту ответственность проявлять?

— Да, похожай. Правда, нельзя не сказать о том, что в течение года было отменено немало снимающих инструкций. Съемочные группы более свободны теперь привлекать людей по принципу совмещения профессий (истати, только в этом случае мы и смогли выполнить национальную программу прошлого года). Сейчас сама студия решает, сколько средств надо выделить на управленический аппарат. И на восемьсот и более человек, работающих в коллективе, у нас 60 человек в управлении. Очень большое значение мы придааем рекламно-информационной службе, полагая, что при новой модели ее роль будет уничтожаться. Информационную службу надо увеличивать. При переходе на хозрасчет ее роль неизмеримо возрастает. Планы, фотоаппараты — мы этим совсем не занимаемся, а это очень ошибочно. Но все это, конечно, будет иметь смысл, если мы — студия, пронят и кинесет — будем работать «в единой пропасти».

— Это смотрят как понимать хозрасчет и как понимать риск. Должна существовать стратегия творческого поиска.

— Всегда хотели, чтобы картина была не просто художественной, а потоком — учительющей умел и количеству зрителей.

Но необходимы также и поисковые картины, сегодня не имеющие зрительского успеха, но нужные для кинематографа. Таких художников необходимо поддерживать.

— Хозрасчет в национальное кино. Есть

мнение, что многие национальные студии не готовы к нему и не выдержат его.

— Вопрос очень сложный. Правда, наша студия уже давно и прочно работает на общесоюзную аудиторию, собирает большое количество зрителей. Иногда мы черезсеру увлекались ориентацией на общесоюзную аудиторию, за что нас упрекали. Но надо и здесь пытаться удержать баланс. Скажем, новая картина А. Фрейманиса, сделанная по классическому произведению, для нас принципиальное множество кассовых лент Рижской студии.

...В тот день в просмотровом зале студии мы

посмотрели предыдущую картину Фрейманиса

Непраздничные ноты

Недавно отметил свой юбилей Ленинградское академическое хореографическое училище имени А. Я. Вагановой. Праздник прошел, но проблемы остаются...

Улица Зодчего Росси, дом 2. Этот адрес известен всему миру, здесь вот уже в течение 154 лет находятся самая знаменитая балетная школа. И сама улица знаменита не менее — ансамбль совершеннейших пропорций, античного благородства — как только не называют ее в литературе любого ранга: от туристических проспектов до монографий по истории архитектуры. Она не только красива, улица Зодчего Росси. Дом № 2 начал строиться в 1826 году для одного из столичных департаментов. Нижние этажи предназначались для открытой торговой галереи. Впрочем, от «Венецианских рядов» Карл Иванович Росси отказался сразу. Потом должен был отказаться и от департаментских палат. Но выстроенные еще адание откупила дирекция императорских театров под здание новой театральной школы. Появились классы, флигель для жилья, театр. Два зала, как их называют до сих пор — первый и второй из них, сдавались для занятых танцами. Они помются на двутавровых металлических балках ручной ковки, скрепят их особой прочностью и упростили не разгадать до сих пор.

И тем не менее дома на улице Зодчего Росси, на Невском, на площадях и проспектах исторического центра Ленинграда, как содомы на последнем рубеже, отстояли, отступили людям столько, сколько могли. Нужда в капремонте и реконструкции здания балетной школы сегодня, что называется, «взяла за горло». Было такое предложение: перевести хореографическое училище в добродотное школьное зда-

ние на улице Восстания, зону исторического центра. Но об этом как-то нелепо и думать. Балетную школу и улицу Зодчего Росси разлучить невозможно.

Проект реконструкции школы готов, — говорит директор Ленинградского хореографического училища имени А. Я. Вагановой Леонид Николаевич Надиров. — Решение о том, что дворовые флигели расселят и отдадут школе, принято. В них появятся новые классы, спортивный комплекс, а главное — разместится интернат. Он там и был раньше, лишь после войны оказался оторванный от школы. В здании бывшей котельной, сохранив фундамент и часть стены, строен театр со зрительным залом на 250 человек.

— Дворовые флигели позволят нам провести реконструкцию в два этапа, не закрывая школу и не выезжая. Все хорошо, не правда ли? Кроме одного: решением Ленгорисполкома расселение флигелей определено в 1988 году. Половина срока уже прошла, а люди в них живут и отнюдь не на членодавцах.

Что такое современный долгострой, всем нам хорошо известно. Известно и то, что легко проблемы расселения и выделения нового жилья не решается нигде. И не одно это здание на улице Зодчего Росси отдается сегодня в Ленинграде учреждениям культуры. Все так, и решение принято не только разумное, визуально грамотное, но и справедливое, на пользу детям. Детям особой судьбы. Они во имя балета все вынесут, никому и никогда не покажутся. Но и тем обязательнее должно быть данное им слово.

— У нас почти половина детей живут в институте, — продолжает Л. Надиров. — В 1959 году было решено: кормить их на 1 рубль

за книгу, за демократию обрела вполне конкретный облик. О первом опыте, первых поисках и раздумьях на этом крутом повороте я и хочу рассказать сегодня.

Л. Надиров. (Наш соб. корр.)

ЛЕНИНГРАД

и на плечах) ступала по дотоле неожиданным именам. Но не менее отвратительно, что это было природу человеческих отношений. За угодничество и сочувствие рядовые работники получали возможность заниматься браконьерством и разными видами частного бизнеса. И вот и до этого застолийно-застольного угла джентльмена волна перемена. Докатилась вместе с молодым егерем Ильином Олонцевым. Возмущители спокойствия прорабатывали на нескользких профсоюзных собраниях, разыгрывали сценарии директора предыдущего ему актива. «Лес», подставка для часов, керамические пены — все это частички бытия великого мастера, впервые стоявшего на подиуме. И этим мы обязаны Вильяму Алексеевичу Борисову.

Борисову, как сам он признался, помогла интуиция, выработанная на многолетних и кропотливых трудом, углубленных изучениями «рублевского керамика», склонившегося к своему творчеству.

Несколько, как сам он признался, помогла интуиция, выработанная на многолетних и кропотливых трудом, углубленных изучениями «рублевского керамика», склонившегося к своему творчеству.

Несколько, как сам он признался, помогла интуиция, выработанная на многолетних и кропотливых трудом, углубленных изучениями «рублевского керамика», склонившегося к своему творчеству.

Несколько, как сам он признался, помогла интуиция, выработанная на многолетних и кропотливых трудом, углубленных изучениями «рублевского керамика», склонившегося к своему творчеству.

Несколько, как сам он признался, помогла интуиция, выработанная на многолетних и кропотливых трудом, углубленных изучениями «рублевского керамика», склонившегося к своему творчеству.

Несколько, как сам он признался, помогла интуи-

цией, выработанной на многолетних и кропотливых трудом, углубленных изучениями «рублевского керамика», склонившегося к своему творчеству.

Несколько, как сам он признался, помогла интуицией, выработанной на многолетних и кропотливых трудом, углубленных изучениями «рублевского керамика», склонившегося к своему творчеству.

Несколько, как сам он признался, помогла интуицией, выработанной на многолетних и кропотливых трудом, углубленных изучениями «рублевского керамика», склонившегося к своему творчеству.

Несколько, как сам он признался, помогла интуицией, выработанной на многолетних и кропотливых трудом, углубленных изучениями «рублевского керамика», склонившегося к своему творчеству.

Несколько, как сам он признался, помогла интуицией, выработанной на многолетних и кропотливых трудом, углубленных изучениями «рублевского керамика», склонившегося к своему творчеству.

Несколько, как сам он признался, помогла интуицией, выработанной на многолетних и кропотливых трудом, углубленных изучениями «рублевского керамика», склонившегося к своему творчеству.

Несколько, как сам он признался, помогла интуицией, выработанной на многолетних и кропотливых трудом, углубленных изучениями «рублевского керамика», склонившегося к своему творчеству.

Несколько, как сам он признался, помогла интуицией, выработанной на многолетних и кропотливых трудом, углубленных изучениями «рублевского керамика», склонившегося к своему творчеству.

Несколько, как сам он признался, помогла интуицией, выработанной на многолетних и кропотливых трудом, углубленных изучениями «рублевского керамика», склонившегося к своему творчеству.

Несколько, как сам он признался, помогла интуицией, выработанной на многолетних и кропотливых трудом, углубленных изучениями «рублевского керамика», склонившегося к своему творчеству.

Несколько, как сам он признался, помогла интуицией, выработанной на многолетних и кропотливых трудом, углубленных изучениями «рублевского керамика», склонившегося к своему творчеству.

Несколько, как сам он признался, помогла интуицией, выработанной на многолетних и кропотливых трудом, углубленных изучениями «рублевского керамика», склонившегося к своему творчеству.

Несколько, как сам он признался, помогла интуицией, выработанной на многолетних и кропотливых трудом, углубленных изучениями «рублевского керамика», склонившегося к своему творчеству.

Несколько, как сам он признался, помогла интуицией, выработанной на многолетних и кропотливых трудом, углубленных изучениями «рублевского керамика», склонившегося к своему творчеству.

Несколько, как сам он признался, помогла интуицией, выработанной на многолетних и кропотливых трудом, углубленных изучениями «рублевского керамика», склонившегося к своему творчеству.

Несколько, как сам он признался, помогла интуицией, выработанной на многолетних и кропотливых трудом, углубленных изучениями «рублевского керамика», склонившегося к своему творчеству.

Несколько, как сам он признался, помогла интуицией, выработанной на многолетних и кропотливых трудом, углубленных изучениями «рублевского керамика», склонившегося к своему творчеству.

Несколько, как сам он признался, помогла интуицией, выработанной на многолетних и кропотливых трудом, углубленных изучениями «рублевского керамика», склонившегося к своему творчеству.

Несколько, как сам он признался, помогла интуицией, выработанной на многолетних и кропотливых трудом, углубленных изучениями «рублевского керамика», склонившегося к своему творчеству.

ИЗ ВЕНГЕРСКОГО БЛОКНОТА

Взять все хорошее...

В НАШИХ газетах под рубрикой «Опыт друзей» чаще всего появляются статьи, рассказывающие об успехах в области науки, техники, экономики. Меньше публикаций о достижениях в области демократии, гражданских прав, об уровне общественной культуры, которая помогает формировать самосознание людей. А ведь здесь нам есть чему поучиться. И хотя в Венгрии еще существует немало острых, нерешенных проблем, с тем чисто пишет венгерская пресса, вместе с тем накапливает богатый опыт и практику.

Сотрудник газеты «Адвар» немецкий Ехеф Мартин пригласил меня в гости. Вместе с женой и двумя детьми он живет в самом центре Будапешта на улице Ленина в двух шагах от редакции, где работает. Квартира его состоит из четырех комнат и кухни.

— Мы уже двадцать лет живем в этой квартире, — говорит Ехеф Мартин, — но только сама лет назад нам выдали на нее юридические права. А до этих пор «своего жилья» у нас не было.

— И как же вы его получили?

— В Венгрии жилье — это проблема номер один, — продолжает мой собеседник. — Получить его можно несколькими способами: в наследство от родителей, купить уже готовый дом или построить его самому. Возвести дом — очень дорогой удовольствие, хотя в последние годы около восемидесяти процентов населения именно так и решают свой жилищный вопрос. Можно еще, встая на очередь, ожидать квартиры от государства. Но оно строит мало — сказывается недостаток финансовых средств. Пока дошедшись жилья — поедешь.

— Где же вы его получили?

И Ехеф Мартин рассказал: в Венгрии приобрела широкий размах своеобразная форма поднадзорного жилья, при которой ты берешь на себя обязательства не только платить за коммунальные услуги, но и содержать хозяина квартиры, у которого живешь. В данном случае хозяйкой квартиры была пожилая дама, забота профессора с очень небольшой пенсии. Она заключила взаимогоденный договор с жильцами, по которому они должны были взять хозяйку на полное обеспечение и заниматься о ней до конца ее дней. После ее смерти

Кто запутывает след в «деле Пальме»?

ЧЕМ глубже изучаются обстоятельства вокруг убийства Улофа Пальме, тем больше пересмысливается все то, что связано с этим преступлением. В Швеции все больше людей задают вопрос, когда же наконец полиция найдет следы настоящих преступников. У многих сейчас сложилось мнение, что расследование ведется очень неумело, а в некоторых случаях оно соизволено идет по ложному следу. Значит, те, кто занимается этим расследованием, преследуют какое-то свое цель. Раскрыть же и назначить

Осеню прошлого года, в Швеции вышла книга журнали-

ста Томаса Кагнера «Убийство Улофа Пальме». Автор обвиняет в ней бывшего руководителя следственной группы и шефа полиции Холмера в неправильном ведении расследования. Вначале все критически замечали Кагнера, были отвергнуты как «превзойденные и злобные». Но уже спустя три месяца парламентская юридическая комиссия опубликовала доклад, где вся эта критика была признана спровоцированной. Одна из авторитетных юристов Швеции Клас Зейне также считает, что уже сам поиск убийцы Пальме предстает собой самое слабое из проподенных полицейской расследований. Он обвиняет полицию в том, что она не систематизировала большое

количество следовательских показаний. Удивляет и то, что мес- сидж, два года спустя, не высущены показания тех, кто находился в непосредственной близости от места преступления.

Специалистами, не связанными с ведением расследования, было подвергнуто сомнению утверждение, что найдены вблизи места убийства пулевые ядра из оружия убийцы. Дело в том, что они были найдены посторонними людьми в подозрительной близости от точки преступления и на них не было обнаружено следов со-прикосновения с человеческим телом или одежду.

Заявление же о том, что об-

наруженная спустя два дня патроны системы «Смит-Вессон» является оружием преступления, совершенно необосновано, так как ни этого самого популярного среди спортсменов огнестрельного оружия никто не стrelkhat без науки.

В противном случае при стрельбе появляется острая боль в ушах. Кроме того, в пистолете такого типа очень трудно приспособить глушитель.

В таком случае, как могло быть, что супруга Улофа Пальме Либерт спасла только слабые звуки, напоминающие разрывы новогодних залупушек, вместо оглушительного грома? от «Смита-Вессона»? Как могло быть, что

два человека, находящиеся в машине рядом с местом убийства, вообще ничего не слышали? Другой свидетель также ссыпал только слабые звуки.

Почему, возникает вопрос, полицейский не был проинструктирован на месте преступления, и даже фотографии были составлены с помощью художников, которая видела недалеко от точки убийства бежавшего из машины мужчину через 15 минут после

затеяния не принимались.

В Швеции сейчас задают вопрос, когда же шведские средства массовой информации начнут заниматься расследованием убийства. Многие считают, что именно они могут помочь расследованию, а не полиция, которая стремится его затянуть.

Публикацию по материалам шведской прессы подготовил М. ПАСЬКО.

СУДЬБЫ ШДЕВРОВ

И, ВЕРОЯТНО, уж напоследок, когда все аргументы «против» были исчерпаны, задалась уймистый, с точки зрения спорщиков, вопрос: а как же ее будут судить? Пирамида сделана целиком из стекла — по замыслу автора, стекла абсолютно прозрачного, бесцветного, дабы не искалечить свет с улицы и главным образом серовато-песочный цвет стен окружающего пирамиду высокой башни «Лувра». Поэтому — это же центр города, граничат быстро покрываться копотью, изнутри — пылью. А голуби? Как быть с ними?

Сейчас И. М. Пей, с которым постепенно встремились на днико во время одного из его стремительных визитов в Париж, рассуждает, вспоминая эти баталии, так:

— Это самый захватывающий и сложный проект в моей жизни. Я имею в виду не технические трудности. Прекратят затрагивать культуру и историю французского народа.

Надо сказать, что в общении И. М. Пей, один из крупнейших архитекторов мира, прост, приветлив и располагает к себе. Он носит небольшие очки в черной круглой оправе, которые делают его похожим на учителя. И. М. Пей — 71 год. В середине 30-х его семья выехала из Китая в США. Серьезно работать в архитектуре он начал поздно — в начале 60-х. Помимо Лувра, он занимается одновременно еще двумя крупными комплексами — госпиталем в Нью-Йорке и концертным залом в Далласе. Ф. Минтер, знакомый с предыдущими работами Пея, сам пригласил его для реконструкции Лувра без участия в предварительном конкурсе.

Перед нашей встречей с

Францией — уникальная страна с очень последовательной историей, имеющей за собой весьма устойчивые традиции. Все это растворяется в Лувре. И я не обвиняю людей из различных обществ охраны памятников, защищиков старин и просто консерваторов, которые были против строительства пирамиды внутри дворца. Лувр — чисто национальное достояние.

Надо сказать, что в общении И. М. Пей, один из крупнейших архитекторов мира, прост, приветлив и располагает к себе. Он носит небольшие очки в черной круглой оправе, которые делают его похожим на учителя. И. М. Пей — 71 год. В середине 30-х его семья выехала из Китая в США. Серьезно работать в архитектуре он начал поздно — в начале 60-х. Помимо Лувра, он занимается одновременно еще двумя

крупными комплексами — госпиталем в Нью-Йорке и концертным залом в Далласе. Ф. Минтер, знакомый с предыдущими работами Пея, сам пригласил его для реконструкции Лувра без участия в предварительном конкурсе.

Перед нашей встречей с

Францией — уникальная страна с очень последовательной историей, имеющей за собой весьма устойчивые традиции. Все это растворяется в Лувре. И я не обвиняю людей из различных обществ охраны памятников, защищиков старин и просто консерваторов, которые были против строительства пирамиды внутри дворца. Лувр — чисто национальное достояние.

Надо сказать, что в общении И. М. Пей, один из крупнейших архитекторов мира, прост, приветлив и располагает к себе. Он носит небольшие очки в черной круглой оправе, которые делают его похожим на учителя. И. М. Пей — 71 год. В середине 30-х его семья выехала из Китая в США. Серьезно работать в архитектуре он начал поздно — в начале 60-х. Помимо Лувра, он занимается одновременно еще двумя

крупными комплексами — госпиталем в Нью-Йорке и концертным залом в Далласе. Ф. Минтер, знакомый с предыдущими работами Пея, сам пригласил его для реконструкции Лувра без участия в предварительном конкурсе.

Перед нашей встречей с

Францией — уникальная страна с очень последовательной историей, имеющей за собой весьма устойчивые традиции. Все это растворяется в Лувре. И я не обвиняю людей из различных обществ охраны памятников, защищиков старин и просто консерваторов, которые были против строительства пирамиды внутри дворца. Лувр — чисто национальное достояние.

Надо сказать, что в общении И. М. Пей, один из крупнейших архитекторов мира, прост, приветлив и располагает к себе. Он носит небольшие очки в черной круглой оправе, которые делают его похожим на учителя. И. М. Пей — 71 год. В середине 30-х его семья выехала из Китая в США. Серьезно работать в архитектуре он начал поздно — в начале 60-х. Помимо Лувра, он занимается одновременно еще двумя

крупными комплексами — госпиталем в Нью-Йорке и концертным залом в Далласе. Ф. Минтер, знакомый с предыдущими работами Пея, сам пригласил его для реконструкции Лувра без участия в предварительном конкурсе.

Перед нашей встречей с

Францией — уникальная страна с очень последовательной историей, имеющей за собой весьма устойчивые традиции. Все это растворяется в Лувре. И я не обвиняю людей из различных обществ охраны памятников, защищиков старин и просто консерваторов, которые были против строительства пирамиды внутри дворца. Лувр — чисто национальное достояние.

Надо сказать, что в общении И. М. Пей, один из крупнейших архитекторов мира, прост, приветлив и располагает к себе. Он носит небольшие очки в черной круглой оправе, которые делают его похожим на учителя. И. М. Пей — 71 год. В середине 30-х его семья выехала из Китая в США. Серьезно работать в архитектуре он начал поздно — в начале 60-х. Помимо Лувра, он занимается одновременно еще двумя

крупными комплексами — госпиталем в Нью-Йорке и концертным залом в Далласе. Ф. Минтер, знакомый с предыдущими работами Пея, сам пригласил его для реконструкции Лувра без участия в предварительном конкурсе.

Перед нашей встречей с

Францией — уникальная страна с очень последовательной историей, имеющей за собой весьма устойчивые традиции. Все это растворяется в Лувре. И я не обвиняю людей из различных обществ охраны памятников, защищиков старин и просто консерваторов, которые были против строительства пирамиды внутри дворца. Лувр — чисто национальное достояние.

Надо сказать, что в общении И. М. Пей, один из крупнейших архитекторов мира, прост, приветлив и располагает к себе. Он носит небольшие очки в черной круглой оправе, которые делают его похожим на учителя. И. М. Пей — 71 год. В середине 30-х его семья выехала из Китая в США. Серьезно работать в архитектуре он начал поздно — в начале 60-х. Помимо Лувра, он занимается одновременно еще двумя

крупными комплексами — госпиталем в Нью-Йорке и концертным залом в Далласе. Ф. Минтер, знакомый с предыдущими работами Пея, сам пригласил его для реконструкции Лувра без участия в предварительном конкурсе.

Перед нашей встречей с

Францией — уникальная страна с очень последовательной историей, имеющей за собой весьма устойчивые традиции. Все это растворяется в Лувре. И я не обвиняю людей из различных обществ охраны памятников, защищиков старин и просто консерваторов, которые были против строительства пирамиды внутри дворца. Лувр — чисто национальное достояние.

Надо сказать, что в общении И. М. Пей, один из крупнейших архитекторов мира, прост, приветлив и располагает к себе. Он носит небольшие очки в черной круглой оправе, которые делают его похожим на учителя. И. М. Пей — 71 год. В середине 30-х его семья выехала из Китая в США. Серьезно работать в архитектуре он начал поздно — в начале 60-х. Помимо Лувра, он занимается одновременно еще двумя

крупными комплексами — госпиталем в Нью-Йорке и концертным залом в Далласе. Ф. Минтер, знакомый с предыдущими работами Пея, сам пригласил его для реконструкции Лувра без участия в предварительном конкурсе.

Перед нашей встречей с

Францией — уникальная страна с очень последовательной историей, имеющей за собой весьма устойчивые традиции. Все это растворяется в Лувре. И я не обвиняю людей из различных обществ охраны памятников, защищиков старин и просто консерваторов, которые были против строительства пирамиды внутри дворца. Лувр — чисто национальное достояние.

Надо сказать, что в общении И. М. Пей, один из крупнейших архитекторов мира, прост, приветлив и располагает к себе. Он носит небольшие очки в черной круглой оправе, которые делают его похожим на учителя. И. М. Пей — 71 год. В середине 30-х его семья выехала из Китая в США. Серьезно работать в архитектуре он начал поздно — в начале 60-х. Помимо Лувра, он занимается одновременно еще двумя

крупными комплексами — госпиталем в Нью-Йорке и концертным залом в Далласе. Ф. Минтер, знакомый с предыдущими работами Пея, сам пригласил его для реконструкции Лувра без участия в предварительном конкурсе.

Перед нашей встречей с

Францией — уникальная страна с очень последовательной историей, имеющей за собой весьма устойчивые традиции. Все это растворяется в Лувре. И я не обвиняю людей из различных обществ охраны памятников, защищиков старин и просто консерваторов, которые были против строительства пирамиды внутри дворца. Лувр — чисто национальное достояние.

Надо сказать, что в общении И. М. Пей, один из крупнейших архитекторов мира, прост, приветлив и располагает к себе. Он носит небольшие очки в черной круглой оправе, которые делают его похожим на учителя. И. М. Пей — 71 год. В середине 30-х его семья выехала из Китая в США. Серьезно работать в архитектуре он начал поздно — в начале 60-х. Помимо Лувра, он занимается одновременно еще двумя

крупными комплексами — госпиталем в Нью-Йорке и концертным залом в Далласе. Ф. Минтер, знакомый с предыдущими работами Пея, сам пригласил его для реконструкции Лувра без участия в предварительном конкурсе.

Перед нашей встречей с

Францией — уникальная страна с очень последовательной историей, имеющей за собой весьма устойчивые традиции. Все это растворяется в Лувре. И я не обвиняю людей из различных обществ охраны памятников, защищиков старин и просто консерваторов, которые были против строительства пирамиды внутри дворца. Лувр — чисто национальное достояние.

Надо сказать, что в общении И. М. Пей, один из крупнейших архитекторов мира, прост, приветлив и располагает к себе. Он носит небольшие очки в черной круглой оправе, которые делают его похожим на учителя. И. М. Пей — 71 год. В середине 30-х его семья выехала из Китая в США. Серьезно работать в архитектуре он начал поздно — в начале 60-х. Помимо Лувра, он занимается одновременно еще двумя

крупными комплексами — госпиталем в Нью-Йорке и концертным залом в Далласе. Ф. Минтер, знакомый с предыдущими работами Пея, сам пригласил его для реконструкции Лувра без участия в предварительном конкурсе.

Перед нашей встречей с

Францией — уникальная страна с очень последовательной историей, имеющей за собой весьма устойчивые традиции. Все это растворяется в Лувре. И я не обвиняю людей из различных обществ охраны памятников, защищиков старин и просто консерваторов, которые были против строительства пирамиды внутри дворца. Лувр — чисто национальное достояние.

</

